

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета
на диссертацию Луневой Анны Александровны на тему:
«Образ «другого» в раннехристианской антииудейской литературе II–III веков»,
представленную на соискание учёной степени
кандидата философских наук по научной специальности
5.7.9. Философия религии и религиоведение

Диссертационное исследование было предпринято А. А. Луневой с целью «выявить причину использования образа иудеев и иудаизма в раннехристианской полемической литературе II–III вв. и последствия, к которым это привело» (с. 8). Предметом исследования стал корпус полемических текстов раннехристианских авторов (Юстин «Диалог с иудеем Трифоном», Мелитон «О Пасхе», Тертуллиан «Против иудеев» и Псевдо-Киприан «О двух горах Синай и Сион»). Забегая вперёд, скажем, что первая часть цели – «выявить причину использования образа иудеев и иудаизма в раннехристианской полемической литературе II–III вв.» – была с успехом достигнута. Изучив и проанализировав источники, восстановив исторический контекст, в котором они были созданы, автор пришёл к выводу о причине использования образа иудеев в данном корпусе: «особенности использования образов иудеев и иудаизма Юстином, Мелитоном и Тертуллианом, показали, что авторы использовали их в первую очередь для решения проблем внутри своей общины» (с. 180). Что касается «последствий», к которым привело формирование «образа иудеев и иудаизма в раннехристианской полемической литературе II–III вв.», то направление их поиска описано, возможно, в том числе на 6 – 7-ой страницах введения, в частности: «Трагические события Второй мировой войны кардинально изменили парадигму в изучении иудео-христианских отношений античности и, особенно, раннехристианского антииудаизма» (с.7). Автор замечает, что этическая необходимость переоценки раннехристианской антииудейской полемики возникла в свете трагических событий Второй мировой войны. Однако, на наш взгляд, вторая часть цели исследования, скорее всего, является ничем иным, как формулировкой аспекта актуальности исследования, а не стремлением к артикуляции названных выше последствий. Потому что напрямую связать полемическую литературу II–III веков, созданную, как отмечает сам автор, для удовлетворения внутренних нужд христианских общин (с. 180), с трагическими событиями Холокоста (с. 7) — эта цель едва ли в принципе достижима в рамках диссертационного исследования:

во-первых, *post hoc non est propter hoc*, а, во-вторых, аксиоматизация этой связи сама нуждается в этической экспертизе. Но заметим, что указание данной связи во Введении к работе может быть оправдано, поскольку тем самым диссертационное исследование ориентирует на тот контекст, в котором в последние десятилетия осуществляются научные исследования, связанные с иудео-христианской полемикой. Это указание характеризует не ценностные ориентации автора диссертации, а ту научную парадигму, в которой он проводит своё исследование.

Другой аспект актуальности диссертационного исследования напрямую связан с логикой развития научного знания, в силу которой в религиозоведческих исследованиях открывается возможность эффективного использования методологии других социальных и гуманитарных наук. В нашем случае речь идёт о специфическом ракурсе исследования, благодаря которому антииудейская полемика анализируется в качестве средства формирования социальной идентичности в общинах ранних христиан. Кроме того, в пятой главе диссертации Анна Александровна применяет методы, разработанные в рамках когнитивных наук, – наверняка, такая конвергенция небезынтересна и актуальна для религиоведения.

Диссертация состоит из введения; пяти глав, разделённых на 3, 4 и 5 параграфов; заключения, списка сокращений наименований иностранных журналов и серий. Список источников и литературы состоит из 386 пунктов (из них: источники — 50, литература — 336). Кроме того, к диссертации было сделано четыре приложения: в первом из них содержится авторский перевод трактата «*De duobus montibus Sina et Sion*», разбираемого в пятой главе диссертации; в трёх оставшихся приложениях — схемы, иллюстрирующие рассуждения автора в той же главе. Структура работы прекрасно продумана и реализована, что, безусловно, способствовало решению всех задач исследования.

В первой главе диссертации рассматриваются вопросы формирования иудейской и христианской идентичности, здесь Анна Александровна широко использует методологию социальных наук, связанную с изучением образа «другого», его роли в формировании идентичности. Возможно, эта теоретическая часть работы выиграла бы от привлечения ещё и философской методологии для изучения вопросов «другого» и идентичности (Г.В.Ф. Гегель «Феноменология духа», Л. П. Карсавин «О личности», М. Бубер «Я и Ты», Ж.-П. Сартр «Бытие и ничто», Э. Левинас «Время и Другой» и пр.). Но оговоримся, что и без привлечения философской методологии, теоретические подходы к

исследованию, эксплицированные в первой главе работы, оказываются вполне состоятельными и абсолютно релевантными поставленным задачам.

Во второй, третьей и четвёртых главах анализируются соответственно «Диалог с иудеем Трифоном» Юстина, сочинение Мелитона «О Пасхе» и «Против иудеев» Тертуллиана. Методология анализа в целом используется одна и та же: автор даёт описание иудейских и христианских общин в тех местностях, в которых создавались сочинения; раскрывает социально-религиозные причины их создания; выделяет и анализирует те элементы из содержания рассматриваемых сочинений, в которых содержится необходимый материал для выводов относительно причин написания данных трактатов. При анализе текстов и контекстов их возникновения и первоначального бытования автор диссертации пользуется методами этнографии и культурологии, активно привлекает данные археологии и эпиграфики. Содержание и выводы этих глав прекрасно реализуют соответствующую часть программы исследования роли полемических трактатов в формировании раннехристианской идентичности.

В пятой главе на основании анализа впервые переведённого на русский язык автором диссертации трактата «О двух горах Синай и Сион» проанализирована роль концептуальных метафор в формировании идентичности. Здесь Анна Александровна опирается на методы и данные когнитивных наук, и именно в этой главе формулируется тот вывод о возможных последствиях раннехристианской полемики с иудеями, сомнение в котором мы уже выразили на первой странице отзыва. В самом деле, вывод, к которому приходит здесь автор, *может быть* корректным, а *может и не быть* корректным: «Псевдо-Киприан, как и другие авторы антииудейских трактатов не призывали к насилию, но его *могли* (курсив мой. – Е.А.) провоцировать их эмоциональные речи, наполненные агрессивной риторикой по отношению к иудеям, а также постоянно повторение концептуальных метафор о них, как о зле» (с. 178). Для сравнения проиллюстрируем ситуацию с другой стороны: на что *мог* спровоцировать Иустина Философа смех спутников Трифона, раздававшийся во время диалога двух философов, а на что он *не мог* спровоцировать — это вряд ли является предметом философии. Но, заметим, вывод к которому пришла Анна Александровна вполне имеет право на существование и даже вполне может оказаться верным в одном из бесчисленных возможных миров. Сам же анализ, проделанный в главе, интересен, важен, актуален.

Говоря о диссертации в целом, необходимо ещё раз отметить, что её структура оптимальна с точки зрения достижения поставленной цели и

решения всех сформулированных задач. Важно — и это является залогом достоверности полученных результатов, — что автору удаётся совместить в своём исследовании актуальный теоретический багаж социальных наук (проблематика идентичности, образ другого, когнитивный анализ) с практическим навыком работы с источниками, один из которых она, фактически, вводит в научный оборот. Для работы с источниками у Анны Андреевны есть всё необходимое — знание древних языков, методов анализа текстов, понимание исторического характера культурных явлений. При анализе источников автор работает с критическими изданиями, кроме того, для воссоздания контекста, в которых были созданы рассматриваемые в работе памятники христианской письменности, А. А. Лунёва активно привлекает данные археологии, этнографии и эпиграфики.

Для характеристики не только текста диссертации, но и её автора как учёного хотелось бы подчеркнуть, что А. А. Лунёва не идёт на поводу у собственной гипотезы¹, подбирая только те факты, которые её подтверждают, но анализирует источники со всей требующейся от учёного тщательностью и объективностью. Конечно, встречаются и небольшие нестыковки², но число их в диссертации мизерно и не сказывается на достоверности полученных результатов.

Снова возвращаясь к тексту диссертации, отметим в качестве её достоинства наличие промежуточных выводов в каждой главе, а также то, что она написана хорошим русским языком³.

- 1 «Основная идея данной работы заключается в том, что образ иудея как «другого» использовался раннехристианскими авторами прежде всего для усиления внутригруппового единства и для выработки идентичности их общин» (с. 5).
- 2 Так, утверждение из 4-ой главы работы, плохо стыкуется с рассуждениями автора диссертации во второй главе. Цитата из 4-ой главы: «Подобным образом и Псевдо-Киприан, и другие авторы трактатов против иудеев описывали их однобоко, представляя лишь негативные аспекты образа (Здесь и далее в сноске курсив мой. — Е.М.). Это могло приводить к усилению антииудейских настроений в христианской среде. Кроме того, такие настроения могли выйти за пределы устных рассуждений и различных трактатов» (с. 177). Цитата из 2-ой главы: «Несмотря на то что произведение Юстина является стандартным антииудейским трактатом, отношение автора /с-?/ иудеями не столь резко отрицательное, как у Мелитона и Тертуллиана. Герои «Диалога» начинают свою беседу в дружественной форме. Юстин приветствует собеседника словами: «Кто же ты, превосходнейший из смертных?» (Dial. 1.3). Трифон не скрывает от Юстина свое происхождение и прямо говорит, что он обрезанный еврей (Εβραῖος ἐκ περιτομῆς), бежал со своей родины из-за восстания (Dial. 1.4). Так между Юстином и Трифоном завязывается философский диалог. Стоит отметить, что Трифон в повествовании показан достаточно смелым человеком... сам Трифон знает о Евангелиях, читал их, но считает написанное там настолько странным и неубедительным, что уверен в невозможности следовать этому (Dial. 10.2).» (с. 96). Явно, что смелость, начитанность и способность вести философский диалог никак не являются «негативными аспектами образа» иудея.
- 3 Правда, использование имён собственных и топонимов иногда вне принятой в русском языке традиции порой оставляет впечатление чтения «иностранныго» текста. Например, на с. 88-89 мы читаем о «виа Аппиа», а не об «Аппиевой дороге», как назвал свою картину в 1845 г. А.А. Иванов, и не о «Via Appia», как назвал своё стихотворение в 1917 г. Валерий Брюсов. Разумеется, никаких нарушений норм русского языка здесь нет: Н. Ман использует «Виа-Аппия» в своём переводе «Итальянских Путешествий» Гёте (см.: Гёте Иоганн Вольфганг. Собрание сочинений. В 10-ти томах. Т.9. М.: Художественная литература, 1980. С. 72). Поэтому наше отношение к словоупотреблению в диссертации, возможно, дело вкуса, поэтому мы

По прочтении диссертации возникают вопросы и соображения, лежащие в основном вне поля проведённого исследования, которые мы, тем не менее, зададим, пользуясь привилегией члена диссертационного совета и рассчитывая на отзывчивость диссертанта:

1. На наш взгляд, было бы бесполезно найти в диссертации более подробное описание корпуса антииудейских раннехристианских сочинений и его сопоставление с корпусом раннехристианских сочинений против язычников, а также корпусами анти-христианских сочинений представителей других религий (составы корпусов, сравнительные их объёмы, пики и спады полемической активности в сопоставлении с историческими событиями, использование «сквозных» образов и метафор, другие пересечения и расхождения общих черт сравниваемых корпусов и пр.). Представляется, что такой сравнительный анализ необходим для того, чтобы делать хотя бы предварительно обоснованный вывод о «последствиях» антииудейской раннехристианской полемики.

2. Интересно было бы узнать – сравнительную и приблизительную, конечно, – оценку автора: насколько идентичность ранних христиан формировалась через противопоставление иудаизму, а насколько — через противопоставление язычеству? Дело в том, что, например, для Климента Александрийского эллинские мудрецы и боги — это «их» мудрецы и боги (Strom. I 107, 5), а к Богу Моисей приводит не кого-то другого или чужого, а именно «нас» (Strom. I 167, 1). То есть, на примере Климента мы видим, что раннехристианская идентичность формировалась в противопоставлении себя не только и даже не столько иудейскому, сколько эллинскому. Сходным образом противопоставляет христиан не иудеям, а именно язычникам и Тертуллиан, объясняя, почему христиане не должны посещать зрелища («De spectaculis»). И, разумеется, множество примеров, в которых христиане противопоставляются именно язычникам, мы наверняка найдём у любого раннехристианского автора. У этой проблемы — противопоставление язычеству или иудаизму — есть ещё один ракурс: и иудеи, и язычники могли восприниматься христианами как нечто общее в своём неприятии христианства. И тогда нам труднее понять — уже в чисто социально-философском смысле — какого рода элемент «чуждости» участвовал в большей или меньшей степени в формировании христианской идентичности. Этот аргумент «смещения», — когда объектом раннехристианских антииудейских инвектив на самом деле оказываются не

пишем об этом лишь в примечаниях. Такие же «вкусовые» замечания есть у нас и к использованию имён собственных: «Мелитон» вместо «Мелитон Сардийский/Сардский», «Юстин» вместо «Иустин Философ/Иустин Мученик» или хотя бы «Юстин Философ» — используются даже в оглавлении работы, а не только в качестве (вполне допустимых!) сокращённых форм имён.

иудеи, а язычники, — был сформулирован А. Гарнаком⁴, методологию которого автор диссертации критикует во Введении. Однако, подобное смешение иудейского и языческого в христианской полемической литературе встречается и в более поздние времена, в частности в ходе полемики с иконоборцами, о чём пишет, например, П. Александер⁵. Оставляя в стороне вопрос о правоте А. Гарнака и П. Александера и вопрос о глубине подобного смешения, — даже микроскопическую возможность подобного смешения нужно иметь в виду, реконструируя теоретическую схему формирования раннехристианской идентичности.

3. Исходя из общего понимания процесса идентификации и феномена идентичности, которое сложилось в социальной философии, идентификация является самоопределением через отнесение себя к какой-то социальной группе (группам), а идентичность — осознанием принадлежности к данной группе, сформировавшейся в процессе идентификации. В этой связи, ядром идентичности является набор соответствий: характеристик личности или группы некоему набору характеристик, которые принимаются за эталонный в том сообществе, с которым данные личность или группа ассоциируются. Скажем, Маугли осознаёт свою принадлежность к волчьей стае, потому что охотится как волк, живёт как волк, думает как волк. Ребёнок ассоциирует себя со своей семьёй, потому что разделяет с членами своей семьи некий набор общих свойств. Разумеется, в процессе идентификации огромную роль играет и «отрицательное» осознание своей схожести с членами одного сообщества на фоне несхожести с представителями другого сообщества. То есть, кроме «положительного» процесса осознания соответствия «своему», в процессе идентификации происходит и «отрицательный» процесс самоосознания через отличие от «чужого».

Вот, исходя из этого общего понимания идентичности, возникают вопросы: если идентичность раннехристианской общины строилась в полемике с иудаизмом как чем-то «чужим» (отрицательный элемент процесса идентификации), то что было обратной стороной этого процесса (положительным элементом идентификации)? Через *принадлежность* чему строилась идентичность христианских общин, если другой стороной этого процесса было *отрицание* иудаизма?

Здесь возникает предположение, что если в антииудейской полемике мы находим отрицательный элемент идентичности, то положительный элемент

4 Harnack A., von. Die Altercatio Simonis Iudaei et Theophili Christiani. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1890.

5 Alexander Paul J. The Patriarch Nicephorus of Constantinople. Ecclesiastical policy and image worship in the Byzantine Empire. Oxford, 1958. P. 23-39.

идентичности стоит искать в том же поле. По мнению автора, нельзя ли рассматривать включение Ветхого Завета в состав Священного Писания христиан в качестве знака того, что христиане осознают историю Израиля как собственную? Не является ли осознаваемая христианами принадлежность роду Авраамову (Ср.: Гал: 3, 29) именно тем «положительным» элементом христианской идентичности, который существует наряду с «отрицательным», нашедшем своё выражение в антииудейской полемике? А если это так, если существует два элемента христианской идентичности, связанных с иудаизмом, в которых последний, с одной стороны, воспринимается как своё, а с другой стороны, – как чужое, то можем ли мы утверждать, что христианская идентичность строится только на отрицании иудейского? И не стоит ли дополнить картину, изображающую формирование христианской идентичности, ещё и этим «положительным» элементом?

Наличие «положительной» идентичности у христиан по отношению к иудеям, существующей наряду с «отрицательной», мы продемонстрируем цитатами из тех авторов, на которых ссылается диссертант: «Не будет никогда и от века не было другого Бога, Трифон, как я начал говорить ему, – кроме Того, который сотворил и устроил всё нами видимое; и не иного Бога почитаем нашим, а другого вашим, но признаём одного и того же, который вывел отцев ваших из земли египетской рукою крепкою и мышцею высокою, не на другого кого уповаем (ибо нет другого), кроме того, на которого и вы, – Бога Авраама, Исаака и Иакова. Наша надежда впрочем не через Моисея и не через закон; иначе не было бы различия между вами и нами... Нам дарован закон вечный и совершенный и завет верный, это — Христос, после которого нет более ни закона, ни постановления или заповеди⁶».

Схему осознания христианами себя через принадлежность к истории иудейской мы находим и у Климента Александрийского: «Нумений, пифагорейский философ, прямо говорит: «Кто же Платон, как не Моисей, говорящий на аттическом наречии?»» (Strom. I 150, 4), (с. 153)⁷. «Мы выяснили, что Моисей жил не только гораздо раньше эллинских мудрецов и поэтов, но и задолго до большинства их (*курсив мой*. – Е.М.) богов» (Strom. I 107, 5), (с.136). «Итак, мы имеем все основания утверждать, что закон дан через Моисея и является мерилom справедливого и несправедливого. Вполне справедливо было бы назвать этот закон (*νόμος*), данный через Моисея самим Богом,

6 Разговор святого Иустина с Трифоном иудеем //Сочинения святого Иустина философа и мученика. Изданы в русском переводе, со введениями и примечаниями к ним, прот. П. Преображенским. М.: Университетская типография, 1892. С. 150

7 Эта и две следующие цитаты из Стромат даны по изданию: Климент Александрийский. Строматы. Т. 1 (Книги 1-3). Издание подготовил Е. В. Афонасин. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2003.

божественным установлением (θεσμός). Именно он и приводит нас (*курсив мой*. – Е.М.) к Богу. (Strom. I 167, 1), (с. 161).

Наконец, ещё раз сформулируем вопрос к диссертанту: Насколько христианская идентичность сформирована через противопоставление иудейскому как чужому, а насколько благодаря осознанию иудейского как своего?

Наши замечания и вопросы касаются обстоятельств исследования, не связанных с оценкой квалификации соискателя, поэтому не сказываются на общей оценке уровня исследования. Работа выполнена на очень высоком теоретическом уровне, основные выводы диссертации были сделаны автором самостоятельно и прошли апробацию.

Диссертация Лунева Анна Александровна на тему: «Образ «другого» в раннехристианской антииудейской литературе II—III веков» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Лунева Анна Александровна заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по научной специальности 5.7.9. Философия религии и религиоведение. Пункты 9 и 11 указанного Порядка диссертантом не нарушены.

Член диссертационного совета
Доктор философских наук
профессор кафедры русской философии и культуры
Санкт-Петербургского государственного университета

Е. А. Маковецкий

14.02.2023